

Загородний Анатолий Яковлевич родился в 1947 году в поселке Алга Актюбинской области. Долгое время работал редактором, заведующим редакцией русской литературы в издательстве художественной литературы «Писатель» (Алма-Ата), затем в литературном журнале «Простор» редактором по прозе. Автор семи книг прозы и ряда произведений, которые печатались во многих журналах и литературных изданиях. Лауреат трёх всероссийских литературных премий. Член Союза писателей России. Прозаик, публицист, литературный критик. Живёт в Орле.

ВОССТАНИЕ ИДОЛОВ¹

(главы из повести)

Господин в синем фраке и генерал с голубою звездой...

И был вечер. И была новая ночь.

Статуи, как рассказывал и излагал мне Веня, причастились от фляжечки Вениной и вновь задымили (Венечкиным табачком, самосади-ком).

Идиллия!

Фигуры пришли в наилучшее, правда, душевное расположение, передавал Веня.

И вот тогда, тогда именно:

– Хорошо нам с тобою, Веня! – сказал Левша, поездивший в своё время по Европам и насмотревшийся там разных гадостей и несуразниц, включая, впрочем, и замечательные, в том числе и политического пошиба. – Давай, Веня, выдвинем тебя в презенты!..

– В чего?

– Ну... в ентого, который на самом верху. Вправляет мозги обществу... Грят, к народу внимательный. Но с тобой, Веня, нам будет всё ж не в пример лучше. Да и общество у нас отдельное. Мы ж всё-таки не люди, а памятники. Свой должен быть у нас презент.

Левша немного подумал.

– Конечно, по уму, – прибавил, – и выбрать следует презента из памятников. Но как-то, от, нехорошо, ежели презент и – каменный. Что люди подумают. То есть ежели прознают. Вишь, бабы у нас шибко болтливые, особ Любовь Онисимовна. Да и то, пьяненькой бывает, не хуже твоей суженой Евангелины Иоанновны. Мы, Веня, всё про тебя знаем, от нас ничего не скроешь. Словом, для начала среди своих изберём, а там, глядишь, выдвинем в общие... То есть не только для истуканов, но даже для человек.

Веня понял. И похолодел.

«Я, – говорил Веня, – правда, подрастерялся, хых, даж ошизел».

Левша ж, мол, бестия, несколько поразмыслил и:

– Не сомневайся! – сказал. – Нас, памятников, по России много! Целое воинство! Отменную проведём кампанию!

– Дык, я... Дык, чё ж... – сказал Веня. – Конечно...

Слаб, слаб был Венечка. Падок на искушения.

И, значитца, диот, дал согласие...

И ток, значитца, ток дал согласие, как случился невозможный страшный прецедент. Случился

¹ Начало см. в альманахе «Орёл литературный», 2021, вып. 17.

невообразимый грохот. Как б землетрясение. Как б целый город сотрясся. Веня ж с испугу залез под диван, под раскоряченные гранитные не без изящества расставленные ево ножки. Весьма низко опускался диван. Пришлось распластаться Вене. И то. Страхился Веня. От щас... Падёт на него диван. От сотрясений. Всем каменным (с тонну, а может, две) брюхом. Зараз со стопудовым, с не меньшим брюхом, с писателем Лесковым. Едри ж твою за ногу! Мамочки!

***

Упряжка вылетела из-за дома на Карачевской, занесаясь влево, впритирку к часоуенке, стоявшей на углу дома, чиркнув колесом о часоуенку, так что отпало и куда-то покатилося само колесо, с искрами; всё прочее вперёд ещё летело, безудержно вихляя, отскакивая от булыжника, с тем самым невообразимым грохотом, от которого Веня залез под диван, со скрипами, с лошадиными всхрапами и всхлипами, чтобы преткнуться у памятника.

– Настоящие дроги!
– Как ещё, что не истлели!
– Должно быть, из музея какого-т.
– Выкрадены!
– Вместе с лошадю.
– Тпру! – осадил заезженную и убитую лошадь, олицетворение клячи, пошатывающуюся между оглоблей, бессмертный, судя по всему (и даже без сомнения) вечно юный извозчик, так, право, сей гигант на передке телеги выглядел юно и молодо!

Огромного, правда, был росту и телосложения статуи. В синем бархатном фраке с туманом! Шейный белый платок бантом! С цветами! С аглицкой булавкой!

Одним крылом галстух сей подпирал колоссу воротничок, стоячий, – с него прям сыпался крахмал на сорочку, – другим концом прятался под жилет, под шелковый, цвета бутонов аглицких роз.

К сему статуи вдрызг, с головы до пят, до самых штрипок клетчатых панталон был облит жасминной водою и смесью ностранных деколонов.

Правда, колосс горько, убойно так пах, на всю на Карачевскую улицу. На целый город. Бабы ахнули и сомлели. Покачнулся трон под Вени-

амином Ивановичем (как любовником, то есть, о сём впереди).

– Экой видный барин! И какие густые и волнистые волосы! – произнесла Катерина Львовна. – На плеча с головы, как колосья, падают. Глаза ж голубые!..

– Иван Сергеевич! – привстал с дивана автор. – Моё почтение!..

– Тургенев! Тургенев! – пошёл шепоток.

– Издалека будете?

– С Грина! Энто... Торгово-развлекательный комплекс...

Колос оглядел собрание.

– Нас там целых пять штук. Писателей то есть. И дале сообщил:

– Фет спит. Андреев зачем-то отбыл в Финляндию. Вроде на пару часов... Бунин чего-то лепечет там относительно крымских звёзд. В то время как над Орлом ночи даже прекрасней!.. Не так ли, господа!? Да, ночь!.. В виду столь неурочного времени ничёго не мог достать для путешествия, кроме этой клячи и сего, от, рыдвана! Никакого транспорта! Только сей лучезарный антик – русский реликт для развлечения гостей... – Тургенев осклабил на таратайку. – Трамваи ж ночью не ходют... Такси для меня будет дорого! Мамаша, признаться, они и по сю пору, и по смерти моей ни копейки мне не дают. Так в строгости и содержат, – ухмыльнулся Иван Сергеевич. – Мучают!.. Однако ж, как только расслышал, а ночью звук далеко разносится, что у вас тут мордобой!.. – Лица фигур вытянулись при сём глаголе видного барина. – Простите, заваруха!.. – поправился Иван Сергеевич. Однако ж опять как-то не так выразился. – Извините, господа! – счёл нужным прибавить. – Ну, за просторечия!.. Будучи постоянно в толпе, привык к весьма даже подлым выражениям. Вообще-то хотел сказать, – сходка... Весьма живая! Нас же там одолевает скука! Так вот. Как только понял, что здесь формируется нечто новое, теневое, так сказать, управление, право же, столько шума, что Россия беременна некими родами, ну, социальными, чую, новая грядёт революция, – я тут как тут! Может, думаю, романчик новый какой сочинить!.. Хотел, кстати говоря, Николай Семёнович, и вас с собой прихватить, молодого, каков

вы там есть, в литературном ансамбле, да подумал, а вдруг для вас, тутошнего, неугоден будет двойник-то ваш, тамошний, который у Грина? Тот статуи вроде за самозванца стоит. То есть в сравнении с вашим, каков вы есть здесь, на Карачевской, столь колоссальный. Скоро и меня обгоните по числу памятников, а!?. Приткой какой вы! Вообще же, конечно, как заметил Аркадий Ильич, в целях конспирации весьма замечательно даже, что у нас с Вами, у меня и у вас, если не с тысячу, то уж, верно, с пару сотен наберётся по России памятников! Вдвоём с вами можем составить внушительную оппозицию местной власти! И не переловят, ежели будут ловить. От путаницы с ума сойдут!

– Благодарствую, Иван Сергеевич! Очень, очень! Я, э, что ж... Только летописец. Вам же, классику русской литературы, – будто бы с некоторой уязвленностью произнёс Николай Семёнович, как передавал мне Веня (хотя, скорее, слушателям так только показалось), – вам, европейцу и вольнодумцу, и карты в руки!

– Ну, ну, не прикидывайтесь... простаком. Тургенев спрыгнул с таратайки. И превратился в столб.

Господа!

Ну что поделаешь! Что тут скажешь!

Разверзлась яма. Из земли выскочил очередной персонаж. Так Веня глаголет мне. Врал, конечно. Но вообще Веня честный человек. Только себе на уме. Не устаю повторять, нет более честного и правдивого человека, может, даже на всей, на целой планете, нежели Веня (сам я не встречал). А уж насколько – до головокружения – искреннего!.. И (опять же, тут опупеть можно!) не ток снаружи, внутри себя (!) – до, как бы это сказать, до потемнения, что ли, до чёртиков в глазах – артистического. Артистизм прям прёт из Вени! Даж двигается поперёд Вени.

Словом, Веня с таким изяществом, с такой избретательностью подавал факты, что я, замороженный Веней, только глазами хлопал. Давился, правда, однако, не в пример вам, господа, заглядывал. И верил, верил ему. Ну невозможно не верить Вене.

Словом.

Земля под ногами у колосса треснула.

Точнее, вспучилась.

Никак нельзя сказать, что провалилась.

Поскольку повыворачивались и вразнос полетели по сторонам щебёнка и глина – комьями.

Из дырки раздался мертвящий душу вой, как б собачий, далее – хохот, навроде хохота выпи, и будто зубовный скрежет, как если б скрипел зубами сумасшедший.

Колосс (Тургенев, ну) стал пятиться... Задом.

Фигуры, напротив, должно быть, из крайнего любопытства, возможно, истосковавшись по жути (в виду бесконечной своей монументальной спячки), напрочь забыв об опасностях, поспрыгивали со столбов и ходом – к яме. Только что в землю не побросались, в пропасть.

Снизу некто определенно лез. Что интересно, носом как-то эффектно свистел. При сём ругался безнадежным извозничьим матом. Пёр вверх! И дышал наружу сивухой.

Стоп.

Склоним головы, господа!

Из дырки-то! Выскочил! Генерал! Генерал-фельдмаршал!

«Сам! Сам граф Каменский!» – божился мне Веня.

Мол, в своо время был в фаворе аж у царицы. Отседова столь высокий чин.

Вообще, из орловских, убеждал меня Веня. Из провинциалов, мол. А так – родовитый помещик. Наилютейший, кстати, крепостник. Однако же выслужился. До высшего звания! И вот, значитца, уже генералом на пенсиях продолжал устраивать у себя в имени баталии, только что теперь бутафорские. С того и сделался у него тиятр, первый в губернии. Шекспира ставил, с гордостью извецал меня Веня. Прочие сентиментальные пьески. Аркаша, ну, парикмахер, в гримёрах у него был. Люба, та в примах. Случалось, что сам играл. И будто недурно. Сказывают, натуральный паяц был! Потому никак не понять, когда притворяется, а когда нет. Тот ещё фрукт! И вообще много сомнений – генерал он аль нет, али ток ряженный. Тут ничё не понять. Конечно, скорей всего, энто у него такой, от, прикид. Вишь, их Каменских было много –

братьев... И все – военные и театралы. И все, понятно, выдавали себя за генералов.

Конечно, ситуацию и даже с лёгкостью мог прояснить господин Лесков, сам сочинитель. Каменский же он тоже его герой. Но Семёныч только ухмылялся в бороду. Иногда, правда, вскидывался, строго так поводил бровью. Но молчал. Случалось, как туча хмурился. Однако крепился. Держал, значит, нейтралитет. Оно и понятно. Какую никакую, а дал жизнь героям, собственную, чего теперь в оную вмешиваться, взрослые ж люди.

Ну да, взрослые, а он чё выкидывают.

И впрямь...

– Што за истукан? – испросил граф (то есть, перво-наперво), обходя для чего-то памятник (именно) Лескову и щёлкая по его ботинкам и платью пальцами с редким умением, с таким, от, шиком и звоном.

Графу объяснили, кто перед ним таков.

Ну и сказали: ваш прародитель.

– А... энто... тот... который оболгал меня... – проронил граф на сообщение, засим ещё как-то крепко выразился, очень крепко. Потеребил подбородок. – Борзописец! – сказал. – А, от, я тебя в чепа! А закую! – бросил. И: – В колодки ево!

Ххх... Не на того нарвался, говорил мне Веня.

Николай Семёнович, Семёныч тут ж выхватил откуда-т из за пазух перо гусиное, правую дланью, левой, кажись, из плаща, бумагу, жолту таку от времени, верно, запасец на случай держал. Как же, может, ещё по ночам пишет. Может, это даж была рукопись с тем самым рассказом про графа, Аркашу и Любу, в котором он шарж дал на графа. Словом, подъял сочинитель перо, макнул в чернильницу (тож в воздухе образовалась перед им), и grit: «Щас, росчерком пера я тя – вбью!» М-да. Похерю, мол, жизнь вашу, господин фельдмаршал! Изыму, мол, вас из рассказа. Ну и мол, счезнете. Будто б вас и не было!

Глаза у Вени сверкали.

«Граф и попятился».

Тут:

– Вы собственно откудова, ну, прям щас? – испросил сам Веня у графа, пытаясь, тем не менее, как-то сгладить, замаять скандал. Веня, известно, был человек жалостливый.

– Из Сабурова... – отвечал граф. Откликнулся на Венино внимание. – Прямим ходом, – сказал, – прям от Сабуровской крепости, от самых стен её, игде похоронен, ход себе пробивал (имелось в виду – под землёй)!

«Представляешь!» – говорил мне Веня.

Но далее.

Генерал сбросил с себя пыльную епанчу. И предстал...

Да, господа!

В парадном мундире! (Зря сомневался Веня. Мундир был наисамделишный, однако ж и впрямь подозрительно новенький).

Веня, правда, тем не менее, глаз не отрывал.

Не, правда, каков мундир!

Расшитый золотым позументом бордовый камзол, и через плечо, правое, синяя и широкая лента с крестом, александровским, пролагалась к низу, к бедру, левому. На груди ж голубела звезда ордена Святого апостола Андрея Первозванного, осыпанная кучею царевых бриллиантов. К сему ордена – Владимира, Анны, Невского и Георгия всех степеней.

Вообще несказанное сияние от генерала шло!

Освещало лицо.

Обвевало бесценным светом шляпу-треуголку с пышным, каким и не приснится нам, господа, клонящимся долу от обилия пуха султаном на фельдмаршальской в кучерях голове. Не один деревенский гусь, верно, на плюмаж пошёл.

Что любопытно, заметил Вень Ваньч, как он мне поздней пересказывал, в сонме перьев, в сей воздушной светёлке, помимо длинных гусиных, было до дюжины маховых перьев сойки, отливавших чистым металлом, сине-бело-чёрным, и одно сорочье, персидской сирени, в аккурат из хвоста воровки, верно, выпущенное прямо в плюмаж балаболкой, то есть с лёту. Потому-то и одно.. Хотя и наикрасивейшее... Право же, впору аистам было вить гнездо на головном уборе фельдмаршала. И ещё одно перо было страусовое.

– Чё вылупились!? – рявкнул фельдмаршал. – Не видали крупной особы?

– Как сохранился...

– Кто?..

– Мундир ваш... Да и сами вы.

– Ххх... Гы... Так только ж перезахоронен! – так, от, пояснил граф. – Десятка лет не прошло. Собрали по косточкам. – (его, то есть, самого). – Мундир же заново сшили. Разве што эполетов не навесили. Ну, ниточек золотых да верёвочек, всей энттой золотой канители, по новой моде. Не дожил я до восемьсот двенадцатого года.

Фельдмаршал снял шляпу, одним движением заметя тротуар от пыли и косточек.

Поискал глазами.

И воззрился очами в очи Вени.

Императорский живописец встал с четверенек (а до сих пор, да, на четвереньках стоял, как спрятался было от таратайки Тургенева).

– Ваше Величество! – обратился фельдмаршал между тем к Вене. Пряма так и обратился, так заковыристо, столь высоко, такой прям божественной увертюрой.

Не, пра, как, от, возвеличил!

С ума, что ли, сошёл, слух ли какой по Руси прошёл уже относительно Вени, что светит Вене высшая в государстве должность, когда и успели узнать русские люди. Как граф продолжил, столь же забористо:

– Рад лицезреть вас в Орле, мой государь! – так и сказал. – И, – прибавил: – Готовы служить вам по самый, по гроб жизни! Да што там! – взвился фельдмаршал. – Ей-ей! Натурально: из гроба служим!.. Слыханное ли дело!

Веня потупился. Стыд-то какой! Вот уже из подмалёвщиков в сами в императоры вышел. Впрочем, чё ни чё, подтвердились давние его предположения относительно близости к императорскому дому.

– Прошу прощения! Мысли попутались. Хотел сказать – господин презент! По привычке ж обратился к вам как к императору. А так... что же... слышан.

«А... всё объяснилось. Оговорился генерал. Эт другое дело».

И всё ж как-то стеснительно было Вене. Весьма неловко.

– Дык... Ишо ж не избрали, – промямлил Веня.

– Изберут!

Граф церемонно снял треуголку. Едва удерживая на весу перья левой рукой, правой повёл

перед собой кругообразно-занижено и поклонился.

– Государь! Тьфу ты!.. Товарищ презент! Следоват даж немедленно, даж ни секунды не медля, сформировать собственный Вашего Императорского, тьфу ты, простите мя, Вашего Президентского Имени Конвой! Для охраны столь священной особы.

Сразу, надо сказать, в самой атмосфере собрания, в самом воздухе тотчас обозначился особенный климат, то есть с прибытием генерала. Такой, от, деловой и организационный настрой. От что значит – военная косточка.

Собственно, генерал сделал два, даже три деловых предложения. Вообще, как подойти и посчитать. Можно и так сказать, что предложений было не менее, чем перьев в треуголке фельдмаршала.

Вычленим главные.

Во-первых, следует объяснить, с чего эт Конвой.

С того, разъяснил генерал, что, куда ни глянь, что вблизи, что вдаль, кругом папские легаты, шпиёны и чужеземцы, протчие пришлые, шныряют, льстивые такие, сами ж зрят и зыркают, подслушивают, гадины, в кажду дырку нос засовывают, в каждую щель заглядывают, в сапогах ж за голенищами в их, в рукавах сорочек, шелковых, таких фасонистых, навывпуск, со складками и фестончиками – кинжалы и ножички, иголки и шильца; за пазухами под кружевами сонные зелия и отравы; дорогие кольца, которые на пальцах, смазаны ядом змеиным, особ на заусеницах, специальных; каменя и перстни с полостями, снутри тож – яды в капсулях, в таких миниатюрных контейнерах, обыкновенно с лепесточков китайской розы, которая страшней цикуты, уколют тя, Веня, – вмрешь, сходу. А на тебе, мол, держава, Веня.

Веня прямо заслушался генерала.

Да и прочие идолы тоже.

Господа, минуто ещё внимания.

Центральное предложение.

Срочно должно было сформировать из фигур два-три (как минимум) гвардейских полка, эт уже вслед за Конвоем, для защиты короны и

державы в целом – гренадёрский, драгунский и от инфантерии полк.

При этом. Набрать из статуй наивиднейших молодцев, блондинов, русоволосых, голубоглазых, не ниже одиннадцати с половиной вершков росту, немножко, но ток немножко брюнетов и рыжих, лошади тож рыжие, вороные и караковые, пушки с синим отливом, ядра...

– Ядра, как черносливы, – подсказала Любовь Онисимовна. – Ток большие!

– Конечно, – согласился генерал, потрепавши Любу за голову. – С финифтью. С чёрным, как б с пламенным, отливом. Чтоб слепили в полёте.

Новобранцев зараз, – продолжил генерал, – следоват отправит рыть канавы, запускать в них воду. Также потребуеся кирпич. Красный. И чтобы калёный.

– Для чё?

– Возводит стены. Как ж без крепости?

Но главное. Самое главное!

Генерал приказал немедля сколотить сцену.

И. Поставить занавес.

Самый какой ни на есть пышный, волнующийся, с русалками и аполлонами, с цветочками, со стрелами и амурами.

Эт, конечно, уже была маразма со стороны генерала.

– Та ты чё, ваш сиятельство?!. – не удержался Левша. – Никак, спятили?!.

Граф... выругался. На непонимание.

Хуже того – обиделся. Как-то ушёл весь в себя. Конечно, трудно генералу было иметь дело с новобранцами, да ещё с недоумками. Однако ж служба есть служба. Быстро пришёл в себя.

– Ххх... Хучь и вумный ты, Левша, а всё ж неуч.

Тяжтр он чтоб отвлекать внимание.

– Как эт?

– Так... Вроде, мы тут забавы устраиваем. Ток тяжтр у нас и больш ничаво! Такие потешные игры. И, от, пустим начальникам пыль в глаза – ни одна зараза не причепится!

– Для конспирасции?!. – догадалась Люба.

– Дезориентации противника... Ваще властей. На деле ж, само собой, не в шутихи будем играть. На кону натуральная армия. Хых...

Но для началу, конечно, Конвой нужно создать. Для презента!

Литературный бал

Хорошо. Переписали статуи памятники. Посчитали и прослезились: мало в Орле статуев. Если по существу... На такую-то гигантскую кампанию. Для демонстрации. Для параду. Вообще для полноценной армии.

Начали думать.

Протопоп Туберозов всё будто цветочки нюхал, оправдывая фамилию, отмалчивался. Сам же глубоко и интенсивно весьма размышлял. Премного думал.

Предложение, поступившее от него, оказалось не менее ошеломительным, чем преж случались у фельдмаршала, и не только по произведенному впечатлению, но и вообще по раскладу и последствиям.

– Численность у нас, конечно, малая, – сказал. – Но есть выход. Хочу обратить внимание господ на наше, так сказать, начальное происхождение.

Мы ж, грит, все из литературы вышли.

Ну и мол, предлагаю призвать и присоединить до нас вообще литературных героев. Собственно! Даже поименно! Несмотря на отсутствие у них памятников! Конечно, они не такие видные, сказал, как мы. Но самые близкие, мол, к нам. По существу. Хотя и не по плоти. Однако ж. Нам не нужно, дескать, слишком заноситься, что они не скульптуры. Следует проявить, так сказать, великодушие к им и некоторое снисхождение, тем более с учётом европейских тенденций и ориентации на мультикультурность и толерантность. Словом, вывести их из литературного плена. Не то чтобы вкрасть. Но определено, что как-т, от, умыкнуть из полона!.. Чёго им там взаперти сидеть, на полях страниц, под картоном. Будто в гробах! Поднять и открыть! Выскочат – пополнят ряды архитектурных повстанцев! На миллионы, а то и поболее штук! И-эх! Какой будет парад! Какие сколотит полки генерал-фельдмаршал! Какую создаст армию!

– Неистребимую! – поддакнул Веня. И верно, для убедительности звякнул шпорцей. –

Поскольку ведь – чистые призраки! Ни пуля их не возьмёт, ни штык, ни атомная бомбардировка!

– Ни химия, ни вирус, ни лихорадка Эбола! – дополнила зловредный единосущностный ряд Любовь Онисимовна. Так от просветилась.

– Неуязвимая такая экзистенция! – заключила метафизическим пируэтом, таким философическим фуэте Катерина Львовна. – Энтэ будет наша литературная гвардия! Этакая летучая! Кавалерия!

Туберозов, немного покашлявши в бороду, для чего-то напрямую обратился к господам сочинителям.

Те располагались друг подле дружки, поскольку Николай Семёнович как раз поправлял Ивану Сергеевичу галстух, который съехал на сторону и ещё полз глыбже и вбок.

– Отцы наши рódные! – возглаголет Туберозов. – Как сочинители весьма занятных книжиц и производители героев не поможете ли нам, то есть воззвать к героям и вызвать их дух!

Щелкопёры переглянулись.

Сделалась пауза.

Не мешкая, впрочем, Иван Сергеевич поклат два пальца в рот. Засим произвёл оглушительный свист. Как дрозд. Со щелканьем. С переливами. И даж одну трель послал. Такие заделал коленца! И еще на раз, и на два свистнул!

Николай Семёнович тот издал гортанный татарский крик. И ещё один. И третий. В калмыцких степях научился.

У Вени заложило уши даж. Стоял рядом. Чуть заикой не сделался. Особо ближнее ухо заклало. Чуток не оглох Веня. Правое ж ухо ничё, пропустило звук.

Кричал Николай Семёнович с гиканьем, и энтой – руладой, то протяжно и заунывно, а то – с потягом и даж внахлэст, то с плачем, натуральным, с таким, от, надрывом, и такая степная тоска пролилася в воздухе, что взять да напиться вдрызг.

С минуту было тихо.

Всем в общем то, чё ни чё, а было понятно назначение сей нотной, можно сказать, академической грамоты, так она была хороша, выпевшейся из горл сочинителей.

Николай Семёнович собирал и в табун, значит, сбивал героев.

Иван Сергеевич по своему выкрикивал их.

Свист его, при всей его силе и глубине, при всей голосистости, местами нежен и приятен был, местами упоителен, с какой-то печалью и даж воздыханием, так что все ожидали невесть чего, но чего-то непременно что романтического.

Фигуры с напряжением вслушивались.

Даже у Иван Северьяныча Флягина мурашки бежали по телу. Вначале от свиста и горлового пения, настолько они были впечатляющими. Далее от неких происшествий, которые творились в воздухе. Творились, а ничего такого, чтоб разглядеть, не было. Сей колос даж было собрался дать дёру, ноги ж приросли к месту. Ни туда, ни сюда. Только крутил шеей. А чё можно высмотреть. Ежели окрест и впрямь никаких изменений нету. Ни на йоту. Одне только стуки. Какие-т завихрения да трепыхания в воздухе.

Катерина Львовна та обмерла и захолонула.

У Захарии, у него душа в пятки... Прямо бросилась. Так, от, прынула.

Перепугались фигуры до смерти.

«Да што ж это делается?»

В то время как ничего нет вроде.

Никакого урона. И ни прибýtка.

За минуту измаялись. И изныли.

«Да што ж эт и в сам деле?»

Правда, воздух местами оказался как б вспорот. Натурально. И в нём, значица, образовались прорехи. Неустойчивость сделалась в воздухе. Ахилле, тому явно даж в грудях чего-т недоставало. Как бы нечем дышать сделалось от такого изъяна. Далее пошли сияния...

Одно было утешение у Манечки (сына Венечкиного) – голуби. Были дутыши, чубатые, двухчубые, мохнаногие космачи, пара белоснежных свадебных с локонами и воланами на хвосте, пара белых московских монахов – на головках черные шапочки. Однако ж любовь Манечкина была отдана николаевским турманам, которые, не нарезая кругов, как если б по нитке отвеса, набирали высоту. Взмыв в высь многоцвет-

ные птицы останавливались стоя и распускали перья завораживающим полумесяцем. Тремя, если точнее. Рулевые – хвоста и маховые перья крыльев, изящно взнесённые над головой, соприкасаясь, превращались в расщеплённые солнечные диски. И став так, этаким фертом и вывертом, голуби трепетали тонкими опахалами перьев, упруго и нежно гоняя туда сюда – как если б и не воздух, а сам – свет. Спаси и помилуй, Господи! Что за красотища!

Страсть Манечкина – голуби забивные! Голубиный полёт с непрерывным боем. Набор высоты, выход в «столб», кувырок назад через голову, снижение и новый выход в «столб» с очередным боем – случается, до крови, до падения оземь камнями!..

О как плотны у птиц крылья! Как они толкают воздух! Как тверды голубиные перья!

Шум, свист, звон, хлопанья, буханья, щелчки... Да ещё ломается воздух!

Какое-то светопреставление в воздухе!

Первыми взлетели с Манечкиной голубятни, устроенной на крыше дома на Карачевской, турманы.

Далее поднялись в полёт забивные.

Иван Сергеевич с Николаем Семёновичем их подняли, свистом и гиканьем.

То есть как только иерей обратился к сочинителям с призывом вызвать дух литературных героев.

«И, от, начали падать сверху герои... – рассказывал мне Вениамин Иванович. – Голубьями!»

«Иные ж трепетали в воздухе – красоты необыкновенной! – прибавлял он. – Светлые такие! В ореолах! С нимбами! Быдто ангелы!»

«И как пал первый голубь, – передавал Вень Ваньч. – Княжна из него выступила! Дочка княгини Засекиной! Зиночка! Самоходом! Точь-в-точь, как у Иван Сергеевича в известном всем сочинении, в соломенной шляпке, в розовом с полосами платье, как в саду, когда её барчук впервые увидел, только что почему-то в переднике. Верно, на кухне возилась. Не успела скинуть фартук, так сильно спешила!»

– Ах, никогда не играла с фигурами в фанты! – проговорила, только выйдя из перьев (кстати говоря, мы перехватываем у Вени повествование). – Господа! – даже тотчас обратилась к обществу. – Господа, пишите записочки! И немедленно! В фанты будем играть. Счастливейшему будет дозволено приложиться к моей ручке! – И с восторгом в груди и с некоторым недоумением: – Боже, – сказала, – статуи ещё никогда не целовали мне пальчиков! Забавно!

Тут же подставила фигурам шляпку кидать внутрь билеты.

Правда. Ничего не получилось с фантами.

Из голубя (который приземлился следом) вышла Лизонька (героиня другого, самого почитаемого в Орле романа Ивана Сергеевича).

Строгая, грустная, в платье белом. С букетиком желтофиоли, любимых ею цветов, прижатых к груди.

Увы, никто не успел поприветствовать героиню.

Только Иван Сергеевич смущенно закашлялся, церемонно поклонившись Калитиной.

Ибо приземлился новый голубь.

Рядом – другой.

Забивного (первого) кидало со стороны на сторону. Как если б потерял всякие ориентиры. Севши, опрокинулся. Вставши, упал.

Протёрши глаза, Вениамин Иванович увидел выпавшего из птицы Гараську (почему то сразу узнал), в перьях и пухе, которого придерживал за шкурку Иван Акиндиньч Баргамотов (из второго голубя выпал), в своей официальной части именованный как «городовой бляха №20» (то есть стоявший в 19-м веке на главном посту града Орла), да чё там, тащил волоком Акиндиньч Гараську.

– Поддержал, значица, нас Андреев, собственных героев прислал, – молвил Николай Семёнович.

– Глядишь, и Пушкина герои и героини явятся. Пушкин же накоротке с антиками, в частности, с Овидием был. Прямо к нему обращался в стихах. Овидий почитал греческого Геродота. Геродот чтит скифов, не токмо чёрных семитов и персов. Даже о литературных мумиях египтян

составил, насколько помню, отдельный глоссариий... Круг замыкается. Вся гистория будет в гости нам! – эт Иван Сергеевич сказал.

– Поместятся ли герои на площади!?. Да ещё и мумии?

Вопрос оказался риторическим.

Тут случился тот случай, когда голубь, кувыркаясь, забился насмерть.

Фигуры окаменели.

Осподи!

Что явил убиенный сей с закатившимися в себя глазами, пленчатыми, сей забившийся сизарь?

Тут и другой на глазах у публики убился.

Катерина Львовна та обмерла.

И едва сообразила:

Старик в рубище, отравленный ею, протягивал ей на подушечках – и видно же было, что именно Катерине Львовне, – подавал через головы собравшихся будто заиндевший (столь бледный) трупик, задушенного ею же, племянника.

Тот приподнялся на подушечках.

На груди простынка, как снег.

Оборотился назад.

– Подите прочь, тятя! Да, да, я к Вам, Борис Тимофеевич!

И к каторжанке:

– Тётенька, как умер, всё маял, что встречусь с вами! Хучь на том свете!.. Ах, Катерина Львовна, как я любил Вас! Тайно и отрочески! И – продолжаю любить! Боготворю вас, даж вами задушенный! Ах, Катерина Львовна, как я люблю вас! Чаял ли я, что встречусь с вами на этом свете!..

– Федичька!.. – Катерина Львовна прижала к голой груди голову убиенного ею мальчика.

– Гистория она суровая! Я, может, даж не один десяток людишек засёк. И тож, как сёк, они радовались. Не нарадовались! Тож любили меня оченно! Не маленький, чтоб в юбки, даж и к душегубке, слёзы лить. Вообще не время плакаться. В камер-юнкеры ко мне пойдёшь! – принял участие в душещипательной сей встрече фельдмаршал, потрафив мальчику.

– С пылкостью, ваше сиятельство! – в некотором даж восторге самоупоения провозвестил труп, влюблённый в Катерину Львовну. И уже

непосредственно к ней: – Позвольте мне обожать Вас, Катерина Львовна!

– Всенепременно, господин Лямин!

Лямин немножко подумал.

– Не смотрите, барыня, что я труп! Сам по себе я даж оченно ловкий! Чесно скажу, эт я в спальне пред вами только для вида читал патерик, – разошёлся мальчик, будучи всё ещё мертвенного весь из себя виду. – Нарочно болел, чтобы лекарство от вас получать! Позвольте мне в пажи пойти к вам! Мечтаю быть задушенным вами в объятиях от любви вашей на второй раз! – совсем обалдел и рехнулся (похоже, что от асфиксии) неугомонный мальчонка.

– Жду от Вас цветочков, барчук!

– Что же, пойду собирать...

– Нет!

Лямин вдруг получил короткий удар по косточкам выпростанных из под простынки пальцев.

Княжна расстаралась.

– В фанты будем играть! – приказала Зиночка.

– Ах, как здесь, среди вас, интересно и весело! – сорвавши горло, прохрипел, слегка зарозовевши, мальчик.

– Нет, какая прелесть! Ещё никогда не играла с задушенным! – проговорила княжна, собирая в комок длинные ленты от шляпы. Уложив их на дно, крикнула в пустоту: – Господа! Господин Малевский! Доктор Лушин! Капитан Нирмацкий! Выходите же!.. Довольно вам прятаться по кустам! И вы! – обратилась она к Тургеневу. – Я ведь узнала вас, присоединяйтесь к нам, мсьё Вольдемар! Как выросли и возмужали!..

На возвышении вокруг постамента Лескову уж делалось тесно от вновь прибывавших фигур.

Надо ещё об одной сказать. Отдельно. Слишком экзотическая фигура и к тому ж до чрезвычайности популярная среди орловчан. Только что должно быть фигура перепутала лето с зимою. Явилась в овчинном тулупе, с метлою в одной и лопатой в другой руке и, не обращая внимания на знаменитостей, начала молча мести тротуар.

– Экий верзила!

– С пять снопов конопляных будя! Один на другом.

– Да ишо с четвертью...

– С верхком!

– Ни мычит, ни телится!

Заметья заплёванный тротуар, вишенные косточки и листочки, новый фигурант, скажем так, покамест незаведённых дел (у Вени ж сомнения не было, что они будут заведены, и не одно даж) на литературных героев и уж тем более на архитектурных фигур, приставил к дальней колонне метлу и лопату и, разинувши рот, с неодобрением и сомнением уставился на статуев.

«Должно быть, совсем свихнулась старая барыня! – вне сомнения, именно так подумалось фигуре (а мы знаем, што энто за фигура). – А то, можа, помёрла, и, от, явился народ! Конечно, воды потребуетя не одна бочка! Небось, не сдохла кляча. Надо б идтить запрячь водовозку!»

Фигура вдруг замычала и этак натужно и вместе приятно ослабилась.

Кого-то, что ли, увидела...

Немного стронулась и дале решительно двинулась к Ивану Сергеевичу, отбрасывая по дороге прочие, незначительные и никудышные фигуры.

Остановилась перед Иван Сергеевичем и поклонилась оному в пояс.

– Герасим! – изумился Иван Сергеевич. – А давай-ка, братец, обнимемся! Нет, правда, экая ж ты дубина стоеросовая! Какой дюжий!

Герасим что-то счастливо залопотал.

– В гвардию ево! – тотчас определился фельд-маршал.

Герасим, жестикулируя, что-то показал на пальцах.

Иван Северьяныч, знавший язык немых, чего он только не знал, перевёл со всей возможною точностию:

– В сам деле... Куды-т проситя.

Герои отчего-то решили:

В партию!..

Другие:

– Чаво же, так сходу?..

– А чаво?.. Работящий! И вообще – сознательный... Как лемент! К тому ж – немой. Язык за зубами держит! Молчит в тряпочку! И оченно даже послушный! По всем статям, значица, подходит!

– Далёко пойдёт!

– Оченно!

– К ядроссам его, конешно! В правящую! – подытожил генерал.

Не знаю, врал Веня, нет ли, но вроде как дворник, ей же ей, радостно закивал. И то, пришла пора делать карьеру. Не век же ходить в дворниках. Не всё хлебать щи лаптями.

С восхищением, помню, Веня прибавил:

«А, ить, развалит, развалит-таки изнутри партию! Такой большой! И изнутри – чесный! Ток рожки-ножки от ей останутся!»

Ещё подумал и присовокупил:

«Дале запустим его в следующую! Ну, партию... К элдэпээровцам! Потом уже к коммунистам!.. – и тихонечко так хихикнул. – Надо ж искоренять пустобрёхов!.. Да и то, хоть один будет чесный! То исть – не лживый! – счёл нужным пояснить Веня. – Без никакой демагогии! И-эх! – возопил Веня. – Кабы их всех сделать немыми! Штоб они заткнули глотки вовеки! Не, правда, я вже не могу слушать! Уши не хочут слышать! Кажного б на суку повесил! Нет на них Манечки!.. – (Заметим, Веня всё чаще вспоминал Манечку!). – Желудок и тот выворачивает, то исть от их непотребства, от их бесстыдства, имею в виду обещания их! Как што не набили на языках мозоли, а на зубах оскомины!.. Не! Не, не!.. Правда, как им не стыдно!.. А?..»

С поспешностью даж стекались новые силы.

Прежде всего, конечно, из статуй... Хых, даж из половинок.

Так, от гимназии, скажем, прибыли бюсты – господ без туловищ.

Прибыли само-лётюм. Поскольку само-ходом – ну никак.

Понятно, фигуры учились в Орловской гимназии (там больше всего бюстов, у энтой гимназии, да рядом же, наискосок от ансамбля). Гм, да... Пётр Столыпин, верно, прибыл с проектом новых реформ. Русанов, исследователь Арктики, тот, скорее всего, с предложениями по Севморпути, как же, господа, сейчас это важное направление... Главная будет морская артерия, в смысле безопасности, которая свяжет Европу с Азией (через Россию) и Азию со всем миром. В прочих же водах начнут хозяйничать пираты из Америки на авианосцах (поскольку США

распадутся), куды ж денутся. Одна надёга на Россию. Одна Россия сохранится! Точнее, памятники. На памятники одна надёга! Собственно. Тот же Севморпуть, кто его разработает, кроме Русанова, то есть с таким же знанием местности и такую же тщательностью. Никто. Больше никому! – Новгородским ушкуйникам с воеводами Ляпой и Абакумовичем (первым русским покорителям Арктики) не поставили памятников!.. Да и то, семь веков назад осваивали Арктику!.. Благо имена остались! За весь Севморпуть придётся отвечать Русанову. То есть как памятнику. Ну и так далее...

Тож.

В связи с тем, что Андреев (тот, что стоял при гриновском комплексе) отсутствовал, будучи на конференции в Финляндии, чтениях собственного имени, тож – компенсировал отсутствие статуи бюст – от гимназии.

С памятниками знаменитостей что хорошо – всегда найдётся, если не копия, не другой экземпляр, то уж обязательно какая-нибудь безделица с изображением личика (в виде брелока там или настольной какой-нибудь фрагментации в форме усов).

Почему бы и нет?

Веня как раз мне хвастал, что у него были усы, сами по себе – Пикассо, завитые кверху, как у рыцаря, аля 'Дон Кихот, и Чарли Чаплиновские – щеточкой, первые конского волосу, вторые беличьи – и те, и другие стояли у Вени в рамах.

Да. Все бюсты были с бородами и усами. Православные. Последние трое – астроном, математик и ещё один весьма высокий чин (упросили не называть имён – во избежание компрометации) с бородами лопатой.

Напротив, бюст, который прибыл, опять же, самоходом, от обладминистрации, настаивал на компрометации, то есть оглашении имени, звучное очень... Оповещаем в соответствии с волей гласного – Сергей Андреевич Муромцев, первый председатель Государственной Думы Российской империи. Каково! А? Самолично прибыл! Уважил собрание! Хоть и московский. Московский, московский, а в Орле ить стоит. И только в Орле, понятно, способен летать.

Не можно накоротке не сказать, отдельно, о совершенно уникальной, так сказать, встрече. Героев, значитца, с автором.

Словом.

Акиндинч, то есть «городовой бляха № 20», как увидел Леонида Андреева, своего производителя, не самого даже, а бюст ток сочинителя, как неповоротлив был, а опрометью бросился к сочинителю, поздороваться.

Гараська, заметим, тот ручкою ток помахал. Сил не было. Чё тут сказать... Не досмотрел Веня. Очевидно, что оплошал Веня, не опохмелил героя. Без опохмелки тот, понятно, и не в состоянии был нормально здороваться.

И, значица, бюст Андреева, сам навстреч Акиндинчу полетел. Чрезвычайное почтение выказал городовому. И... Как-то так эдак кивнул, на особый манер, клонясь плавно и невесомо вперёд, головою (низ же торса при этом ушёл назад), что бюст, считай, завис горизонтально (ног-то нет)... «Бляха» от страха аж выпучился (но не подал вида) – щас бюст падёт, шмякнется грудкою оземь. Ан нет, так, от, автор качнулся ловко, что в самый аккурат... Изящно «бляхе» поклонился.

Прочие бюсты с не меньшим умением летали и планировали, кланяясь тут и там, особо дамам, и даж как б расшаркивались.

Этикет!

Невероятно красиво!

Будто училища лётные позаканчивали.

И Фет будто закончил, он тоже между фигур летал, прибыв от Дома литераторов, и Сергей Есенин, заявившийся от Польского корпуса (университета), и даж Пушкин, оттуда ж.

Александр Сергеевич, тот с особым изяществом летал, можно сказать, с вдохновением, как если б управлял плотью из бронзы с помощью острых чёрных крыл (фалд) сюртука, верно, отросших на спинке во время полёта.

Фалды даж хлопали при поворотах и виражах. Заносило поэта. Эхма! Вьюжило!

На лету с кустов шиповника белый цвет обирал (горстями) и сыпал, ну чисто снегом, цветами на волосы дам, на фельдмаршальский позумент, на фазтон, которым добирался до ансамбля Тургенев, даж на понурую его клячу и даж на

резвую молодую лошадь, которую зачем-то привёл с собой под уздцы гусар Беловзоров (мысе уже пытался усадить на кобылу Зиночку, но дива стеснялась, отнекивалась и тем ещё более распляла воображение Беловзорова, который даже категорически заявил, что статями Зиночка, безусловно, виднее кобылы, а платье её прекрасней попоны, шелковой, которой покрыта его буланая в яблоках, – княжна смеялась...)

Особую – розовую – метель (потому что на этот раз срывал цветы с розового шиповника) устроил Александр Сергеевич над купчихой, которая гуляла нагишом (балахон же, помнится, подарила партии).

(Далее, в другой уже раз, разделась для изображения картины французской, «Завтрак на траве», об этом тоже следует помнить).

Что бы и как бы там ни было.

Гм... Да.

Тело её точно было краше цветов шиповника!

Цицьки – пламенные!

Цаца!

Глянулась! Александру Сергеевичу! Как и всему, впрочем, сообществу, из вновь прибывших.

Любопытно, никому и в голову не приходило осуждать Катерину Львовну. Общество за нечто само собой разумеющееся принимало тот факт, что Катерина Львовна ослепительно голая! Значица, так положено ей! Независимая! Потом, статуя... Вене даже обидно было, что некоторые не замечали. Не восхищались Катериной Львовной, какая она вся гладко-выпуклая, как тело её при всём том (несмотря на сибирскую стужу, то есть откуда она прибыла) ухожено, как зад подрагивает, как она поводит торчащими вразлёт сумасшедше цветущими титьками! Непринужденно и смело! Н-да. Всё как во сне было. Будто статуям собственная жизнь снилась. И Венечке тоже.

Встав на колени, Александр Сергеевич принялся декламировать стихи для Катерины Львовны, по которой сыпался шиповник, слетая на кудри поэту, и даже на губы, и он отдувал цветы губами. Лёгкие, они взвивались в воздух, упавая на подола бальных платьев (для Вени всякое дамское платье бальное) и на носочки дам, на шнурочки туфельек, в которые были

обуты ножки (ах, Веня б выпростал и целовал их, по одиночке и разом); иные же цветы, взвиваясь, присаживались к дамам на локоны и путались в завиточках, на височках у див и за ушами. Читал Александр Сергеевич с особенной экзальтацией.

Вообще, нужно сказать, с явлением поэта всё как-то на площади сделалось легко и свободно. Повевало поэзией. Лёгкостью и даже какой-то негою. Какой-то гисторической сладостью. К липовому и тонкому от цветов шиповника подмешался фиалковый запах – желтофиоли, романтический, от букетика Лизаньки.

И так чудилось, будто цветы росли прям из гранитов.

Будто ансамбль и площадь являлись только частью старого сада...

Обозначились даже дорожки...

Лужайки.

(Когда и расстарался фельдмаршал...)

И выросло число скамеек.

Гости образовывали группки, мешались, сходились и вновь разбивались – на пары, по интересам.

Знакомились, будучи из разных сочинений.

И даже из разного времени.

Не говоря о разности состава и материала.

Одни – из мрамора. Другие – в бронзе. Были бетонные. И даже гипсовые. Попадались из картона. Были, как тени, некоторым образом плоские, сошедшие с полотен, с картин, немножко они напоминали удушенных и повешенных, – конечно, висели на стенах, дольше, чем было можно и нежели хотели, вытянулись и посерели... Краски не было в их лицах. Будто переболели смертельным недугом. Некоторые с сыпью... И даже с прелью, – лежали в подвалах.

Чисто литературные, те, напротив, мнились как лёгкие и изящные, случалось, что даже как завитушки, которые бывают в письме, иногда даже как знаки, ну, препинания, стояли вопросом, как Захария (правда, эт смешанный тип), а то восклицательным знаком, восторженным (да ещё с бачками), как у Гоголя, а то, будто бы на пуантах, и с кружевом (как в молодости Любовь Онисимовна), с подскоком и росчерком (для полёта, как у Пушкина), – вообще, тут

много зависело от почерка автора, и даже от чернил; когда ж записаны красками (как в летописях и в житиях, на церковнославянском) бывает, фигуры немножко светятся, будто яички на пасху, и даж золотятся, такие, от, благостные и духоносные. Увы, немного их было в саду, последних, скорее, они казались, чем были, – явившиеся из цветоносных писаний. Но многие и впрямь представлялись глазам как воздушные, вышедшие будто из тени, на самом деле из книг, конечно, а то прямо из рукописей, – упорхнули как-то, душички. Облеклись плотию... Разжились одеждами. А всё одно – невесомые. Полупрозрачные даже. То есть, конечно, вследствие чисто умственного материала, которым составились. Посредством чистого умозрения. Из духовных потенций ведь образовались. Потом, мы уже говорили, – почерк... Грациозные даж – по линиям, вообще – по лёгкости письма и исполнения, по летучести перьев, тех ещё, гусиных, на едином выдохе выдутые из горл сочинителей, на пике, значица, на взлёте вдохновения, эти – порхали... Как бабочки. Возносились и опускались. Кружились в вальсе, без музыки... Носились, будто по паркету. Беспечно. И сентиментально. Даж Лизонька.

Все проявляли чрезвычайный друг к другу, случалось, жгучий интерес.

Равно: скульптуры к литературным персонажам, те к сошедшим с полотен портретам, портреты – к статуям. И так по кругу. И попережку.

Кто с грустью, некоторые с оживлением разговаривали. По всякому. Говорили комплименты. Проявляли удивления и восторги. Ахали и восклицали разные междометия. Сплетничали. Любезничали. И даж ссорились. По политическим причинам. По мировоззренческим

вопросам. Философическим пунктам. По центральным моментам. Парадигмам и нарративам. Непримиримые. Западники и почвенники. Консервативные и радикальные. И так себе. Инфантильные и сговорчивые. Скучные. И равнодушные. Брюзги. При жизни изжившие себя. Некоторые ж с пылом и гонором, амбициозные... Подвижники и сволочи. Иные в смятении, то есть от преобразования своего... Отвыкшие говорить и двигаться. Одни – своим ходом и чередом умершие, в большинстве ж – с прерванной жизнью, в основном насильно, нередко же – мученически.

И были, которые светились. И такие, от которых веяло вечным холодом.

К уже прибывшим прибавлялись всё новые и новые гости, как известные, так и малозначительные...

И слышно было, как за садом на улице оставались экипажи.

Как бряцает кольцо на калитке. И отодвигается щеколда.

Как чуть слышно, шурша шинами, подъезжают машины.

Из машин выходили и поднимались в сад очередные гости, из «новых», так сказать. Одни – запылённые и угрюмые, в шинелях внакидку, с горящими взорами, с революционной походкой, чахоточные и «залеченные», мёртвые. Другие – умашенные и напомаженные, сытые, в полотняных одеждах с орденскими планками на белых кителях, весёлые и добродушные, с цветами (и даж шампанским, в сумках), – из троек расстрельных, вдогонку и следом расстрелянные, разная прочая, советская номенклатура...

Не хватало только оркестры. И сцены.

